

Обычно Арфисты не афишируют свое участие в каких-либо событиях —

Их не волнует известность, главное — победа Добра,

Однако в своем кругу они не забывают воспеть подвиги героев.

Их агенты обучены действовать в одиночку

И полагаться на собственные ресурсы.

Если они попадают в неприятности, то не рассчитывают,

Что другие Арфисты станут их спасать.

-Не правильно, ещё раз.

Удар веткой по голове оборвал концентрацию и я, выронив цветочные семена, схватился за макушку, приглаживая волосы ладонями и шипя сквозь зубы.

-Если есть, что сказать, Тевиер, то говори.

Джахейра нависала надо мной, в её глазах плясало веселье и предвкушение в ожидании моей ошибки, но я не стал давать этой злобной женщине повода.

Нахмутив брови и отвернувшись в сторону, наощупь собираю рассыпанные по столу семена, бережно и трепетно укладывая их в ладонку, чтобы не повредить.

-Тц, ты стал слишком проницательным.

-Скорее вы становитесь предсказуемой, — дёрнув голову в сторону, я как заправский монах уклонился от промелькнувшего рядом с лицом прутика, рассёкшего воздух и оставляющего за собой след. Его свист пронзительно разошёлся по комнате, пока я сам кувыркком назад уже вскочил на ноги, занимая боевую стойку, — слишком предсказуемой.

-О!

Ветка прутика небрежно улетела в окно, задев подоконник и стуком привлекая моё внимание, этого мгновения арфистке хватило, чтобы приблизиться и с одного удара повалить меня на

пол. Она даже не использовала руки, лишь выбила меня из равновесия, ударив по пятке ногой, после чего крутанувшись встала вплотную, напугав меня и заставив отшатнуться.

Падение на пятую точку из-за отсутствия точки опоры было болезненным, а вновь появившийся в руках наставницы прутик хлётко резанул по голове, вызвав новый недовольный крик.

-Ай, да сколько можно?

-Сколько потребуется, — видя, что я не собираюсь идти на контакт, эльфийка нетерпеливо выдохнула, присаживаясь рядом, кладя руки мне на плечи, заставляя посмотреть на неё, — Тевьер, сегодня вечером я уезжаю. Надолго. Ты это понимаешь? Поэтому тебе следует выучить даже те крохи, что я рассказываю.

Чётко и отдельно, она чеканила слова, не отводя взгляда. Её непривычно серьёзное и безэмоциональное лицо обескураживало, вынуждая прислушиваться к словам, раскалённым клеймом выжигая их в мозгу.

-Вы можете не вернуться?

-Я...

Прикрыв глаза, Джахейра выпустила меня из своей стальной хватки и, поднявшись в полный рост, отошла к окну. Ветер разметал её косички, а лучи солнца осветили каждую морщинку, показывая насколько же на самом деле стара арфистка. И хоть у неё молодой и бойкий характер, а сил хватит ещё на добрые полсотни лет жизни, но только в такие моменты начинаешь понимать, что по сравнению с ней я только вылупившийся мотылёк.

Уперевшись ладонями в подоконник, ссутулив плечи и скрыв за волосами глаза, наставница долго молчала, подбирая ответ или думая о куда более важных или весомых вещах, по крайней мере, я надеялся на это, но когда время ожидания перевалило все адекватные нормы, мой детский характер решил в который раз показать гонор.

-Почему вы просто не останетесь? Если это настолько опасно, стоит ли вообще вступать в дело? Возьмите с собой побольше арфистов или вообще не уходите!

-Хватит вести себя как дитя, — стальные нотки прорезались в голосе эльфийки, — это мой выбор, моя жизнь и мой долг. Я не жду, что бывший мелкий жулик поймёт это. Лучше повторяй упражнения, они тебе необходимы для дальнейшего обучения.

-Сдались мне эти занятия! Я уже почти год только и делаю, что тренируюсь непонятно зачем, а вместо обещанной магии вы превратили меня в садовника! Да и вообще... Лучше уж быть мелким жуликом, чем мертвым арфистом!

Крикнув ей напоследок какую-то гадость, я бросил ей в спину пригоршню семян, стремглав выбегая из комнаты, стуча сапогами по полу.

Громогласно хлопнув дверью и бросив последний укоряющий взгляд в сторону дома, наткнулся на взволнованную Ефи, боязливо прижимающуюся к косяку двери.

На лице моей приёмной матери смешалась настоящая буря из эмоций и переживаний, что только ухудшало моё состояние.

Её синее в клетку платье было запачкано в земле, а в руках покоилась корзинка с садовыми инструментами для ухода за садом Джахейры. Маленькая соломенная шляпка скосилась на бок, грозя упасть в любую секунду и, подхваченная ветром, устремиться в небеса, паря над Вратами Балдура.

Пристыженный тем, что она увидела и услышала, я с красными щеками, сжимая от обиды на себя, Джахейру и арфистов зубы, сорвался на бег, надеясь поскорее спрятаться в толпе, чтобы печальный взгляд Евфимии не буравил мне спину, ударяя по чувствам кузнечным молотом.

Благодаря бесконечным тренировкам, я, словно рыба в воде, скользил по улочкам города, хотя на улице был самый разгар дня и народу собралось столько, что нездешние гости легко могли затеряться на одной улице.

Перепрыгивая через ящики, гномов и полуросликов, не слушая поток ругательств в спину, я бежал дальше, наплевав на маршрут, доверившись ногам.

Несколько раз меня пытались остановить, приняв за вора или беглеца, в ином случае я бы просто остановился и попытался бы всё объяснить, ведь, как учили меня арфисты, порой правда в разы выгоднее лжи, главное её правильно подать, но вместо логики и разума мной овладели чувства, так что я просто бежал дальше, отмахиваясь от стражи и Огненных Кулаков, которым явно не понравилось подобное. Я кричал им что-то, возможно даже матерное, а на призывы остановиться часто показывал неприличные жесты, с лихвой окунаясь в воспоминания о своей уличной жизни.

Мой забег завершился неожиданно и, честно говоря, крайне занимательно. Опрокидывая на преследователей мелкие ларьки, бросая им под ноги фрукты и овощи, я бежал по узким улочкам, пока не увидел просвет между домами.

Пробегая сквозь припортовую площадь, чувствуя, как меня начинают зажимать со всех сторон, я уже всерьёз начал опасаться, что Кулаки изловят меня и даже пускай они задержат меня или посадят в прифортный карцер, но когда об этом узнает Джахейра, то беды точно будет не миновать, да и одна мысль, что эльфийка снова будет участвовать в моём спасении, а потом в наказании — поднимала волну гнева, всё ещё не утихнувшую даже после столь продолжительного кросса.

Поэтому я не придумал ничего лучше, кроме как завалиться в ближайшую таверну: длинное, низкое, обветшалое здание со сложным лабиринтом пристроек, флигелей и огороженных участков, надеясь, что там, среди матросов и других гостей города смогу спокойно сбежать.

Распахнув двери, я чуть не проблевался от того невероятного амбре, что ударило по носу. Мерзкая смесь из пота, немытых тел, рыбы, морской воды, дешевого эля и жареной свинины. По глазам ударили гаммы из самых разных цветов и стилей одежды. Здесь были представители самых разных слоёв общества, но их всех объединял один неприятный и немаловажный факт: они все были отлично вооружены, а моё эпичное появление не осталось незамеченным.

Мотнув головой, пытаясь отогнать головокружение и резь в глазах, я попытался шмыгнуть в ближайший коридор. Но тут же взлетел в воздух, вздёргнутый за шкуру огромным амбалом-полуорком с серой кожей и выбитыми клыками. Сверкая гниловатой улыбкой, он дыхнул мне в лицо смесью из запахов, что «украшали» трактир, чуть не вырубив начинающего арфиста и закончив его историю на этом позорном моменте.

Его подбадривали, сюсюкающим голосом спрашивали у меня не потерялся ли и где моя мамка, а самые остроумные уже облизывались на чистенького полуэльфа, почёсывая промежность и намекая кивая на крохотные комнатки с овальными дверьми.

Но ворвавшиеся следом за мной Кулаки остановили насмешки и предвкушающие крики, устанавливая в таверне тишину.

Несколько секунд ничего не происходило и обе стороны просто пялились друг на друга, не понимая, как вообще дошли до такой ситуации, пока я сам с медленным ужасом поднимал глаза на местную вывеску, простирающуюся сразу напротив входа.

Огромная голая русалка, искусно вырезанная и игриво прикрывающая руками свои самые интересные места, смотрела прямо на меня своими деревянными глазами. Столяр отлично постарался, когда вырезал эту морскую бестию, от неё было тяжело оторвать взгляд и только маленький элемент в её одежде, который придумали уже нынешние хозяева трактира, выбивался из образа озорной и лихой морской охотницы с краснеющими щёчками.

Её грудь и часть хвоста прикрывали отрезанные руки. Почерневшие, скукожившиеся, с растопыренными пальцами, они обхватывали русалку за сочные места, но вот веселья это не прибавляло.

В моей голове как под зельем ускорения крутились слова наставницы и других арфистов, объясняющих мне правила поведения в городе и разъясняя все места, в которые нельзя заходить одному. Я многое подчерпнул из их рассказов, особенно о Нижнем городе, но даже я, мелкий попрошайка и воришка, живущий на отшибе, не раз и не два слышал о Краснеющей Русалке — местном притоне пиратов, контрабандистов, бандитов и наёмников.

Здесь собирался «самый цвет» крупного торгового города. Самые отпетые убийцы и ублюдки, для которых человеческая жизнь стоит дешевле медяка и готовых на любую гнусность ради

наживы. Здесь часто проживали пиратские команды, представители целых флотилий морских разбойников любили провести время за кружечкой эля в этой халупе, а порой некоторые пиратские бароны вспоминали былое и самолично посещали это место.

«Чёрт, чёрт, чёрт».

Первое правило, к которому меня приучили арфисты: не можешь победить — возглавь. И примерно зная, чем всё это может закончиться, я стал инициатором того бардака, который в Балдурском Вестнике назовут: «Война за прелести русалки», высмеивающий и всю стражу Огненного Кулака и большинство пиратских команд, которые активно вписывались в драку с главным органом правопорядка в городе.

Извернувшись в воздухе, наплевав на рвущуюся одежду, я со всего размаху и доступного для детского тела маневра, зарядил полуорку в глаз, выставляя вперёд костяшки, чтобы точно поразить цель.

Полностью оправдывая своё ремесло, изо рта серокожего полилась отборная матерщина, но всё это пропало, пролетая мимо моего сознания. Кулаки двинулись вперёд, надеясь выловить меня до того, как я скроюсь среди забулдыг и пиратского отребья, но обезумевший от боли орк, гордый сын своего отца и наследник крови «истинных» воинов, начал в ярости размахивать руками, надеясь хотя бы так достать меня, отомстив за пострадавший глаз.

Вложив весь свой вес в удар, верзила орк, по-крестьянски замахнувшись, зарядил сочную и громкую оплеуху лидеру отряда Кулаков, опрокидывая чернокожего лейтенанта на землю, моментально вырубая.

-Мочи падаль!

Крик одного из старых пиратов, едва стоящего на ногах от выпитого, послужил сигналом к началу битвы.

С воплями и улюлюканьями пираты смели первый отряд Кулаков, выталкивая несчастных служителей закона на улицу. Повсюду слышался ор и гам, ломалась мебель, бились бутылки, ведь, не долго думая, пираты начали выяснять отношения друг с другом, громя таверну под чистую, пока несчастный владелец заведения вместе со своими вышибалами отбивался в углу, грозясь содрать со всех кругленькую сумму, но озверевшие от хмеля и быстрой победы над Кулаками морские волки плевали на любые предупреждения.

Вершиной абсурда была продолжающая играть музыка. Группа из скрипачей и лютнистов весело плясала на сцене, подзадоривая и задавая ритм.

А из комнат и других помещений продолжали прибывать пираты и бандиты, пока снаружи нарастал шум битвы. Со второго этажа выпадали тела, а многочисленные проститутки визжали, веселясь над происходящим.

На моих глазах парочка продажных женщин напрыгнули на своего недавнего клиента и пока одна душила его и царапала лицо, вторая с наслаждением лупила беднягу между ног, пока тот медленно оседал к земле, не зная, что спасать первым.

Шмыгая под ногами у беснующегося люда, я полз на коленках в сторону выхода, надеясь отыскать его до того, как остальные патрули Кулаков и пиратские команды стянутся к таверне. Самое забавное, что до сих пор никто не вытащил оружие, подсознательно понимая, что этот опрометчивый поступок ничем хорошим не закончится.

Пробираясь сквозь Краснеющую Русалку, я повидал много всякого, краем глаза отслеживая ход битвы, которая медленно, но уверенно склонялась в сторону Кулаков, постепенно зажимающих пиратов обратно в таверну. Всё больше посетителей этого славного заведения бросали старые обиды и сбегали через тайные коридоры, скрываясь на припортовых улочках, проклиная стражу и наглых законников, что осмелились завалиться в любимое местечко.

Вот вместе с парочкой таких пройдох я и смог выйти наружу, не разменивая ни секунды помчавшись дальше, чувствуя, как боль в ногах начинает нарастать, а общая усталость даёт о себе знать.

«Вот так приключенице».

Не веря всему произошедшему, я даже поймал себя на мысли, что повёл себя как настоящий арфист. Сбавив темп и давая легким передышку, чтобы получить хоть немного заветного воздуха, сворачиваю за угол, прислоняясь к холодной стене.

-Правда из-за меня, наверняка, пострадали Кулаки, а они то уж точно не плохие люди, да и не принесло это добра в город, скорее уж наоборот хаос и придурь...

Рассуждая о моральной стороне вопроса, я и сам того не заметил, как вновь отправился в путь и ноги сами собой привели меня к дому, из которого я убежал больше часа назад.

Двери и окна поместья были закрыты, но небольшая калитка всё так же оставалась приветливо распахнута, а значит Ефи здесь.

-Эх, иногда чтобы стать героем, надо признавать свою глупость...

Повторив золотые слова Минска, нашептанные ему заветным хомяком, я нетвёрдой походкой побрёл внутрь. Едва я прошёл мимо калитки, моего слуха коснулось приглушенное пение, даже скорее мычание знакомой с детства мелодии.

При лунной тиши, в старинном замке,

Лежи, милый сын, и крепко спи.

Я — твоя матушка, с тобой я вместе,

Защитница твоя, в ночи и в тиши.

Аккуратно ступая по узким тропинкам, я обходил высаженные плотными рядами кусты, напрягая горло и скулы, чтобы не пустить слезу. Глаза сводило на ровном месте, но ноги всё так же вели меня вперёд, приближая к ласковому голосу, напевающему в тишине маленького садика.

Поведу я тебя, в мир сновидений,

Где драконы спят и эльфы поют,

Где звёзды твои — огни заклинаний,

Они от тебя никуда не уйдут.

Выйдя к маленькой клумбе, возле которой копошилось маленькое тельце, я тихо приблизился к ней вплотную, присаживаясь за спиной и прижимая хрупкое тело в объятиях.

Вздрогнув на миг, Евфимия даже не оборачивая головы откинулась назад, признавая меня, и продолжила тихо петь песню.

Не страшись темноты, мой маленький рыцарь,

Любовь моя сбережёт тебя.

Спи, моё солнце, и на новой странице,

Будет полна приключений жизнь твоя.

Зарывшись носом в волосы, я вдыхал знакомый аромат матери, приютившей меня и помогавшей всю мою жизнь. Детская колыбельная, услышанная от бродячего барда и выученная ею, сопровождала почти каждую ночь моего детства до тех пор, пока я не смог засыпать самостоятельно, и даже тогда порой я просыпался ночью, чувствуя, как маленькая ладонь поглаживает меня по волосам, пока Ефи шёпотом напевала песню.

-Прости, я повёл себя...

-Как ребёнок, — хихикнув, полурослик повела плечами, высвобождаясь из моей хватки и возвращаясь к прерванной работе, — но ты и есть ребёнок, Тевиер.

Мягко улыбаясь, Ефи медитативно пересаживала цветы, удаляя старые листья, проверяя корни и поливая их специальным зельем для защиты от вредителей.

-Не думай, что остальные считают иначе.

-Но...

Оглянувшись через плечо, она посмотрела на меня с умилением и долей превосходства, зная все слова наперёд, отчего я застыл с комом в горле. Раскаяние плескалось полноводной рекой и раз уж ступил в неё, то стоило идти до конца.

-Наставница Джахейра?

-Ушла, — легко понимая меня с полуслова, Ефи грустно выпустила воздух из легких, поджимая губы, — отправилась в свой очередной поход.

-Я даже с ней не попрощался и наговорил всякого...

-Она взрослая девочка, всё понимает, хоть и пытается казаться иной, — потрепав меня по руке, оставляя мазки от свежей земли, Евфимия передала мне лопатку, настойчиво всучив садовый инвентарь, припахивая к работе. Не то чтобы я была против, — извинишься, когда она вернётся.

-Да, ты права.

Не став договаривать опасения, что наставница может и не вернуться из этого похода, я смиренно присел рядом, повторяя все действия Евфимии. Размеренная работа помогала отвлечься, но всё равно я из раза в раз возвращался мыслями к моему скотскому поведению, вызванному глупыми обидами и ревностью.

Вместо того, чтобы с улыбкой на лице проводить дорогого мне человека в опасный путь, я повёл себя, как испорченный ребёнок, у которого отобрали игрушку, требуя объяснений.

Чувствуя моё настроение, Ефи снова затянула песню, порой хитро поглядывая на меня, любуясь смущением и попытками скрыть радость.

Так мы и проработали до самых сумерек под тихий голосок Евфимии, вырывая сорняки и ухаживая за цветами.